

Наталья ЕЛИЗАРОВА

«ЭТОТ ДОМ, ЭТОТ МИР – НАШ»

*Наталья Михайловна
Елизарова родилась в го-
роде Кашире Московской
области. Окончила Москов-
скую Академию предприни-
мательства при правитель-
стве Москвы, Литературный
институт имени А.М. Горь-
кого. Член Союза писате-
лей Москвы. Автор несколь-
ких поэтических сборников,
гимна Ночной Хоккейной
Лиги. Печаталась в журна-
лах «Нева», «Юность», «Урал»,
«День и Ночь», «Зинзивер» и
др. Лауреат премии имени
Анны Ахматовой журнала
«Юность», Первого между-
народного литературного
конкурса «Линия фронта»,
победитель конкурса «Поэ-
зия в парках», дипломант
Первого Тургеневского кон-
курса «Бежин луг». Стихи
переведены на многие язы-
ки. Живёт в Москве.*

Марш Серовой

Холодом дышит город. Ночь.
Ледоход.
Ледяной ветер гонит холодные
глыбы.
Они сберегли пианино
в немыслимый голод-год,
в блокаду не жгли картины,
а вы смогли бы?
Они не отдали дома,
друга-ворога, серый камень
которого уходит по колена
в Неву.
Правда, сожгли Гёте и Шиллера
своими руками,
чего простить не могу,
но понять могу.
И вот на этом стуле с зелёным
войлоком
крутится девочка, долбит-мучает
Генделя.
Её судьба — под аркой этого
дворика,
и уже неизвестно, было ль
всё это
иль ничего и не было...

Чтобы кто-нибудь где-нибудь
ждал и смотрел
в окно,
И курил, и в озябших пальцах
терзал карандаш.
Если ты — половина моя,
то мы — одно,
Этот берег и луг, этот дом,
этот мир — наш.
Если взгляд ускользает, а руки
опять холодны,
Только холод уже не вне,
он давно внутри,
Быть не целым, а просто
осколками мы вольны,
От войны остались развалины —
посмотри.

Я видела чёрную рыбу в лоне
реки,
не ту, которую караулили
рыбаки,
не ту, для которой наживка
есть и добротна снасть,
не словить — не съесть такую,
поплыть — пропасть.
Она шевелила огромным своим
хвостом
и воздух ловила бездонным,
беззвучным ртом,
плыла от людей в виденья свои
и сны,
плыла от студёного лета в пруды
весны.
Плыла от меня в невиданные
края —
туда, где у жителей чёрная
чешуя.

И участь не имеет предпочтений.
А. Зарахович

На безрыбье рыба даже ты,
Человек.
Раздуваешь ноздри и плывёшь
карасём.
Сверху сбросят поплавок —
вот и всё!
В ведрышке потащат на брег.
И захочешь, как на духу...
«Не карась я, слово — плотва».
Чистят рыбу, засучив рукава,
на засолку и на уху.

А я её не помню похорон,
я не была — тогда была
в Париже,
но резкий крик кладбищенских
ворон
всё громче, и отчётливей,
и ближе.
Под деревом — ограда и плита,
унылый быт отмеренного после.
Лишь ветру суждено перелистать
весь календарь, на холмик
листья сбросить.
Останутся сухие даты две:
январь, июль. И жизнь —
короткий прочерк.
Вороны-воры прячутся в листе,
и плачет дождь со мною
и хохочет
над нами. Он ведь хлещет
свысока,
промочит человечка и умоет,
останутся — прозрачны — облака
и даты, поминаемые мною.

